

Подразумевает ли историческая эпистемология историческую онтологию?*

О. Е. Столярова

Институт философии РАН,
Российская Федерация, 109240, Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1

Для цитирования: Столярова О. Е. Подразумевает ли историческая эпистемология историческую онтологию? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 3. С. 369–380. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2018.305>

В статье рассматривается вопрос о том, какого рода отношения должны возникнуть (или уже наличествуют) между исторической эпистемологией, существование которой, по-видимому, сегодня признается академическим сообществом, и онтологией. Подразумевает ли историческая эпистемология какую-либо, возможно историческую, онтологию? Отсылает ли приставка *мета-*, употребляемая в отношении исторической эпистемологии, к какой-либо, возможно исторической, онтологии и если отсылает, то что именно становится предметом изучения этой онтологии? Как эта возможная историческая онтология связана с естественно-научной онтологией? Если историческая эпистемология — это все еще проект, вопросы не только не снимаются, но, напротив, становятся более насущными. Известно, что трансцендентальное обоснование науки, предложенное Кантом, было неисторическим. Трансцендентальный метод базировался на примерах априорного знания, почерпнутых из классической механики, которые, как полагал Кант, служили выражением вневременной объективности. Однако перестройка естественнонаучной онтологии в конце XIX — первой трети XX в. инициировала эпистемологические проблемы, которые не могли быть удовлетворительно решены в терминах кантовской трансцендентальной философии. Выяснилось, что априорные принципы, лежащие в основе трансцендентального метода, могут быть пересмотрены (и пересматриваются) в истории науки. Это привело к историзации эпистемологии, которая теперь озабочена обоснованием не устойчивого и неизменного, а неустойчивого и изменяющегося знания. В статье показывается, что для исторической эпистемологии наиболее важной является проблема перехода от одной системы знаний и их конститутивных принципов к другой, разрыва между ними, а не их последовательности. Но возможно ли найти онтологический аналог этого перехода? Защищается тезис о том, что исторической эпистемологии, если она намерена сохранить традиционную связь с естествознанием, следует прояснить свое отношение к (исторической?) онтологии посредством прояснения и обоснования научного характера последней.

Ключевые слова: историческая эпистемология, историческая онтология, философия науки, история науки, трансцендентальный метод, объективность, реализм.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 18-011-00281 «Историческая эпистемология: теоретические основания и исследовательские перспективы».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2018

Трансцендентальное обоснование науки

Теоретическая философия традиционно разделяется на две основные области — онтологию и эпистемологию. Она исследует, во-первых, все, что существует, и, во-вторых, условия и пределы нашего знания о том, что существует. Классическая эпистемология стремилась установить абсолютные критерии истинного (объективного) знания. Для Канта таковыми были трансцендентальные условия познания, раскрывая которые философия априори оправдывала (эмпирический) реализм и обезвреживала традиционный (эмпирический) скептицизм. Априорное исследование условий познания, с точки зрения Канта, было единственным средством избавить философию от скептицизма, который являлся неизбежным ответом философии на притязания традиционного реализма, не вооруженного трансцендентальным методом. Скептик всегда оказывается прав, а позиция реалиста изначально уязвима, потому что у нас нет никаких средств выйти за пределы собственного опыта и сравнить наше знание вещей с вещами самими по себе. Но как только мы занимаем трансцендентальную позицию, т. е. обращаем свое внимание не на вещи (что тщетно), а на собственную познавательную способность, мы восстанавливаем в правах познание вещей и мира как *внешних* вещей и *внешнего* по отношению к нам мира. Мы осознаем, что *внешний* характер вещей генерирован нашей познавательной способностью, благодаря которой достигается объективное познание вещей в *опыте*.

Предложенное Кантом обоснование реализма посредством трансцендентальной философии, которая должна быть априори предпослана любым утверждениям о внешнем мире, привело к тому, что в философии эпистемология заняла доминирующую по отношению к онтологии позицию. Несмотря на то что Кант видел свою задачу в защите реализма¹ от скептицизма, реализм, который обосновывался трансцендентальным методом, так и не получил со стороны последующих философов признания в качестве *полноценного* реализма. Да и как мог он считаться полноценным, если из трансцендентальной философии Канта следовало, что реальность (существование объектов и процессов в мире и самого мира в целом) *зависит* от субъекта, пусть даже от способности субъекта к объективному познанию? «Все же с трансцендентальной точки зрения, т. е. когда мы находимся внутри того вида исследования, которое одно только и способно удовлетворительно объяснить, как возможно наше познание, с этой точки зрения, все, что мы знаем в науке и повседневной жизни, оказывается, в конечном счете, субъективным или зависящим от человеческой чувственности. Это не есть знание того, как вещи действительно и независимо от нас существуют» [2, с. 167].

Подчиненное положение онтологии по отношению к эпистемологии имело своим следствием то, что онтологические вопросы (что существует? Как устроен мир? Какие процессы происходят в природе и каким законам они подчиняются? И т. п.) были переданы посткантовской критической философией в ведомство эм-

¹ Кант называл свою позицию трансцендентальным, или критическим, идеализмом, для того, чтобы отличить ее от традиционного реализма (метафизики) и различных форм некритического идеализма (скептицизма) [1, с. 110–111]. «...Мой так называемый идеализм касался не существования вещей — сомневаться в этом мне и в голову не приходило (а ведь именно такое сомнение и составляет суть идеализма в общепринятом значении слова), — а только чувственного представления о вещах» [1, с. 110].

пирической науки, естествознания. Философия же должна была обеспечить обоснование самой возможности познания, обращаясь к априорному исследованию трансцендентальных условий познания, т. е. должна была стать по преимуществу эпистемологией, не вытекающей из онтологии, но предвещающей ее.

Исходя из модели Канта, между онтологией и эпистемологией устанавливаются следующие отношения. Онтология сообщает нам содержательное знание о мире (объектах и процессах), а эпистемология объясняет, почему нам следует считать это знание объективным. Причем она объясняет это *заранее*, еще до того, как конкретное содержание будет получено. Иными словами, эпистемология обосновывает не само содержание научного познания, а способ, посредством которого это содержание будет получено и признано объективным. Слово «заранее» не совсем подходит. Если бы эпистемология всегда предшествовала науке во времени, то ее методологические изыскания претендовали бы на характер предписаний ученым. «Делай так, как я велю, начинай исследование с трансцендентальной установки, — сказал бы тогда философ ученому, — и ты получишь объективное знание». Но не будем забывать, что Кант исходил из того, что научное знание *уже* существует в действительности, а не только в возможности, и стремился объяснить уже существующую науку, уже полученное естествознанием объективное знание². Ученые («натуральные философы») справились самостоятельно и построили объективное знание *до того*, как Кант сформулировал положения трансцендентальной философии. Хотя Кант и отталкивается от реально существующей науки, предложенный им трансцендентальный метод оказывается индифферентен по отношению к конкретным результатам науки и историческому времени, в котором развивается наука. Какими бы новыми знаниями естествознание нас ни снабдило, это не может ни изменить, ни отменить принципы объективного познания в том виде, как они представлены в трансцендентальной философии. И несмотря на то что сама трансцендентальная философия является историческим фактом и, как любой факт, может считаться исторически случайной, логически она необходима, потому что представляет собой единственный способ (так полагал Кант) дать удовлетворительное объяснение нашему познанию мира (любому возможному опыту).

На первый взгляд, такая модель отношений между онтологией и эпистемологией гарантирует естественно-научной онтологии и философской эпистемологии свободу в рамках их внутренних принципов и независимость друг от друга. Первая эмпирически изучает *внешнее* и на основании опыта строит теории относительно *внешнего*, вторая априорно исследует абсолютные и необходимые (вневременные) принципы эмпирического изучения *внешнего*, которые позволяют конструировать *внешнее* как теоретический объект. Ученые могут не обращать внимания на философов (латентное философское наследие зацементировано в фундамент естественно-научного метода³) и делать свое дело, а эпистемологи — делать свое, используя по мере надобности конкретные научные результаты в качестве примеров, подтверждающих существование объективного знания, возможность которо-

---

² «Таким, образом, в самом деле имеется чистое естествознание; спрашивается лишь: *как оно возможно?*» [1, с. 113].

³ Во времена Канта естествознание еще не вполне отделилось от философии и даже сохранило название «натуральной философии», но предпосылки такого отделения уже сложились, а его принципы в наиболее отчетливой форме были сформулированы Кантом.

го они удовлетворительно объясняют. Кант находит такие примеры в современном ему естествознании. В основании современного естествознания лежат, во-первых, априорные понятия субстанции и причины и, во-вторых, зависящие в некоторой степени от опыта понятия движения, непроницаемости (материи) и инерции, которые в сочетании с априорными понятиями образуют каркас математической физики, заключающей в себе необходимую «закономерность всех предметов опыта» [1, с. 112–113].

На самом деле в кантовской модели онтология и эпистемология очень тесно связаны, причем эта связь в большей степени захватывает эпистемологию. Трансцендентальная философия вычитывает из результатов науки то, что оправдывает саму трансцендентальную философию. Всеобщие законы природы, открытые современной Канту физикой, свидетельствовали в пользу объективных законов мышления, которые интерпретировались как принципы конструирования всеобщих законов природы. Устойчивость (неизменность) материи, необходимая связь механической причины и действия, инерция как способность тел удерживать субстанциальное состояние, обратимость времени, пустое евклидово пространство какместилище тел — все эти фундаментальные характеристики и законы мироздания переводились в термины трансцендентальной философии, которая объясняла их исходя из постулируемых ею неизменных принципов *познания вообще* (неизменных когнитивных структур) и показывала тем самым, что принципы построения научной онтологии имеют априорный, а не эмпирический статус. Эти принципы *познания вообще*, «эти когнитивные структуры были призваны описать неизменную и абсолютно универсальную рациональность, присущую всем человеческим существам в любое время и в любом месте, и объяснить, почему математическое естествознание (математическая физика Ньютона) представляет собой модель или пример такой рациональности» [3, с. 25]. Оно представляет собой этот пример потому, что законы природы, которые оно открывает, существуют только в отношении к трансцендентальной структуре субъективности. Таким образом, естественно-научная онтология, с одной стороны, и эпистемология — с другой, зависят друг от друга. Объективный характер естественно-научной онтологии зависит от эпистемологического ее обоснования в терминах трансцендентальной субъективности, а эпистемологическое обоснование — от того, что оно обосновывает, — от онтологии природы. Как было сказано, такая зависимость в гораздо большей степени затрагивает эпистемологию, само существо которой состоит в обосновании познания, нежели естественно-научную онтологию, задача которой состоит в том, чтобы изучать внешнее, а не в том, чтобы изучать принципы изучения внешнего.

Сильнейшая сторона кантовского проекта критической (трансцендентальной) философии состояла в том, что данный проект был направлен на обоснование уже существующей науки, т. е. на рациональное обоснование самой рациональности. Кант настаивал на тождественности логики трансцендентального метода и логики самой науки. Отрицание кантовской модели повлекло бы за собой отрицание принципов научного подхода к исследованию природы и полученных современной Канту наукой общезначимых результатов. Но та же сильнейшая сторона обернулась против кантовской трансцендентальной философии и основанной на ней эпистемологии. Произошло это, по-видимому, тогда, когда стало очевидно, что наука не оправдала ожиданий философов и своими результатами поставила под вопрос

принципы трансцендентальной философии, которые по определению не должны были зависеть от конкретных научных результатов. С точки зрения неоправданных ожиданий нас интересуют прежде всего те философы, которые в своих эпистемологических построениях продолжали ориентироваться на точное естествознание, а не на спекулятивные интерпретации трансцендентальной субъективности, которые, как показывает пример немецких классических философов, далеко уводили философию от реальной (фактической) науки и ее результатов. Те же, кто следовал проекту Канта в своем стремлении дать эпистемологическое обоснование точной науке, постепенно изменили саму эпистемологию, историзировав основоположения последней в ответ на революционную историю науки. История науки в конце XIX — начале XX в. предстала как история изменения онтологии, а не история накопления результатов опыта, который согласовался бы с априорно установленными когнитивными структурами, обосновывающими онтологию физики Ньютона. Открытие неевклидовых геометрий, субатомных частиц, теории относительности, изменение характеристик пространства, времени, движения, массы и т. д. — все это привело к фундаментальной онтологической перестройке здания физики и инициировало такие эпистемологические проблемы, которые не могли быть удовлетворительно решены в терминах кантовской трансцендентальной философии, базирующейся на примерах априорного знания, которое служило выражением вневременной объективности.

Историзация эпистемологии

Процесс историзации эпистемологии, благодаря которому на карте гуманитарных дисциплин XX в. все отчетливее проступали контуры «исторической эпистемологии», осуществлялся в двух основных направлениях. Одно из них можно назвать трансцендентальным, а другое — эмпирическим. Они представляют собой две главные точки роста исторической эпистемологии. Первая заключалась в продолжении работы с понятием трансцендентальной субъективности и в постепенной историзации ее структуры⁴, что выражалось в рассмотрении истории как процесса порождения смысла *исторического* трансцендентальным субъектом. Вторая — в отказе от понятия трансцендентальной субъективности и подчинении эпистемологии эмпирической науке и ее фактической истории. Первое направление привело к тому, что может быть названо культурно-историческим обоснованием науки. Здесь науки о природе выступили как эпифеномен наук о духе в его истории. Наука является продуктом культуры и ее онтологические результаты — не что иное, как перевод исторического характера трансцендентальной субъективности в термины «природы» (««истинная» природа естественных наук есть продукт духа, исследующего природу» [4, с. 125]). Культура как смысловое поле деятельности духа формирует уникальные и преходящие исторические априори, сквозь призму которых человек смотрит на мир, а ученый — на факты. Так понятая историческая эпистемология исходит из того, что абсолютных критериев истинного знания не существует, они меняются от эпохи к эпохе и существуют наподобие парадигм Т. Куна, исторических ансамблей Курта Хюбнера, эпистем Мишеля Фуко и т. д. в ка-

⁴ Будущая историзация в свернутом виде содержалась в кантовском понятии трансцендентального субъекта как конечного, чьи метафизические претензии ограничены опытом.

честве исторических форм априорного знания [5], или исторических форм трансцендентальной конституции онтологических систем.

Второе направление согласно с первым в том, что не существует абсолютных критериев объективного знания. Оно делает этот вывод исходя из того, что априорное знание может быть эмпирически (посредством естественных наук) пересмотрено (постоянно пересматривается) и не ищет трансцендентального обоснования этому факту. Из истории науки следует, что «наши основания для принятия одной или другой системы геометрии или механики (в действительности, математики в более общем смысле или логики) по сути относятся к тому же самому виду, что и чисто эмпирические соображения, которые поддерживают любую другую часть нашей универсальной теории природы» [3, с. 25]. Эмпирическое направление сближало эпистемологию с различными формами натурализма, который стремится вывести нормативные (или условно нормативные) характеристики знания из дескриптивных. Например, натурализованная эпистемология Уилларда Куайна, стирающая границы между синтетическими и аналитическими утверждениями, предлагала изучать зазор между «бедным входом» (чувственными данными) и «богатым выходом» (естественно-научными онтологиями) средствами эмпирической науки, развитие которой, полагал Куайн, должно привести к прогрессу до сих пор неудовлетворительного эпистемологического обоснования науки [6].

Такая двойственность исторической эпистемологии помещает ее между «молотом и наковальней» — между эмпирическим исследованием, которое ставит под вопрос философскую автономию, и трансцендентальным подходом, связь которого с реальной (фактической) наукой и ее результатами становится все более проблематичной (об этой связи будет сказано ниже). Эта двойственность проявляется среди прочего в запутанных отношениях экстерналистского и интерналистского прочтения истории науки, что, я полагаю, побудило Питера Гэлисона сформулировать вопрос о *контексте*, адресованный философской истории науки (History and Philosophy of Science), весьма близкой по своим интенциям и методам исторической эпистемологии [7, с. 112–113]. Чем является пресловутый «контекст», на который ссылаются исторические эпистемологи для объяснения развития науки: содержит ли он *причины* того или иного фактического результата науки или «контекст» — это иное выражение для исторически истолкованного кантовского термина «условия возможности»? В первом случае *контекст* требует от эпистемолога основанного на фактах каузального объяснения того, что эпистемолог должен объяснить, столь же строгого, как в естественных науках, во втором — указывает на подвижное и неопределенное смысловое поле, в котором формируются конкретные факты науки, и предъявляет эпистемологу требование не столько объяснения, сколько понимания.

Следует сказать, что этот вопрос нельзя разрешить средствами одной лишь исторической эпистемологии. Он отсылает к метапозиции по отношению к исторической эпистемологии, т. е. такой позиции, которая могла бы прояснить причины или условия возможности самой исторической эпистемологии и предложить ее обоснование.

Вероятно, ответ на этот вопрос требует прояснения действительного или возможного отношения исторической эпистемологии к онтологии. Если *неисторическая* эпистемология Канта предполагала фактически данную в виде классической

механики *неисторическую* онтологию, предполагала ее как способ своей фактической реализации, то не означает ли это, по аналогии, что историческая эпистемология ориентируется, соответственно, на некую новую, *историческую*, онтологию? Однако такая аналогия упрощает дело и сама по себе мало что объясняет. Прежде всего недостаточно просто сказать, что наука изменилась и эпистемология тоже изменилась. Можно, конечно, констатировать это изменение на двух фронтах, естественно-научном и эпистемологическом, но работа ученого или философа состоит в том, чтобы показать неслучайный характер связи между этими двумя «событиями». Эпистемология же в принципе не может избежать вопроса об этой связи, если она продолжает проект Канта (и всей нововременной теории познания), который заключается в том, чтобы осмыслить (обосновать, объяснить) естествознание. Отсюда далее следует вопрос: о какой онтологии мы говорим, когда говорим об *исторической онтологии*, — о научно обоснованной (естественно-научной) или спекулятивной? Если каждый естествоиспытатель в основоположениях своей науки является философом, на чем и строилось кантовское обоснование естествознания, которое объясняло, почему эти философские основоположения согласуются с опытом⁵, то историческая онтология должна принадлежать философским основаниям естественных наук. Но если кантовское обоснование естественных наук поставлено под вопрос самим естествознанием, тогда что мы можем сказать о философских основаниях естествознания и о самой связи естественно-научной онтологии и философской эпистемологии? Если же историческая эпистемология связана не с естественно-научной, а со спекулятивной онтологией, то не должна ли она тогда заранее (*a priori*) распрощаться с идеей что-либо понять и объяснить относительно реальной (фактической) науки?

Что такое историческая онтология?

Наконец, хотя этот вопрос и есть, вероятно, фундаментальный по отношению ко всем вышеобозначенным трудностям, — о какой онтологии, или о каком бытии, изучаемом онтологией, могло бы говорить определение *историческая*? Как минимум, начиная с Гегеля история становится философской дисциплиной. Это означает, что история предстает не только как эмпирическая последовательность уникальных событий, но прежде всего как идея, как смысл, который, соответственно, есть смысл самого исторического изменения. Онтология же традиционно изучала бытие, а не становление, неизменное, а не изменение. Изменение, как полагали, не могло быть предметом мысли. В основании традиционной онтологии лежало понятие субстанции, по отношению к которой любое изменение признавалось акцидентальным. Для того чтобы связать онтологию и историю, Гегелю потребовалось переосмыслить понятие субстанции, соединив его с понятием субъекта, который еще со времен средневековой христианской философии наделялся свойством творческого преодоления собственных пределов, свойством самодвижения, саморазвития, или саморефлексии. Субъект-субстанция Гегеля — это не статичное самотож-

---

⁵ Кант предложил формальное обоснование таким философским категориям, как субстанция, причина и др., которые лежат в основании научного опыта, но из опыта не извлекаются. Согласно Канту, они согласуются с опытом потому, что опыт организуется трансцендентальной субъективностью по определенным правилам.

дественное бытие, а развивающийся дух, или разум, который в своем движении образует историю и ее объективные формы — науку, культуру и т. д. Если следовать Гегелю, то предметом исторической онтологии становится бытие духа, или разума, в его развитии. Причина этого развития совпадает с целью, поскольку развитие духа обуславливается его стремлением обрести самого себя. Исходя из этой теоретической модели, историческая онтология должна была бы сосредоточиться на исследовании целевой причины изменяющегося бытия, каковой является спонтанность духа, и на исследовании ее объективных следствий — исторических форм рациональности. Так понятая историческая онтология совпала бы в основном с исторической эпистемологией. Но проблема заключается в том, что в данном случае связь между исторической онтологией (исторической эпистемологией) и естествознанием остается непроясненной. Например, для Германа Когена совершенно очевидно как раз *отсутствие* такой связи: «...наука стала путеводной нитью мирового духа. Гегель пренебрег подобной опекой. Он отверг исторический авторитет Ньютона, а с ним — и любой авторитет науки для философии» [8, с. 86].

Упрек Когена справедлив. Естествознание (как минимум его фундаментальная часть — математическая физика) не изучает целевые причины. Эпистемология, основанная на кантовском трансцендентальном методе, недаром вывела из рассмотрения целевую причину, потому что всеобщие законы природы, которые открывает естествознание, выражают именно действующую причину, относящуюся к субстанции, постоянной в своих изменениях. «Причинность, помысленная как порядок последовательных восприятий, определяет их к объекту, конституирует в этом их отношении предмет опыта. Если смена событий причинно определяется как смена состояний одной субстанции, то она объективируется» [8, с. 466]. Неисторическая эпистемология Канта адекватно выражала данный тип объективности⁶, в рамках которого только, как полагал Кант, и возможна наука, т. е. единственная согласующаяся с опытом онтология. Историческая же эпистемология, которая настаивает на диахроническом плюрализме онтологических систем, должна, на мой взгляд, привести свою точку зрения в соответствие с самим естествознанием, а прежде объяснить, как это сделал Кант, сами принципы этого соответствия, ибо мы знаем разные типы соответствия, и причинная обусловленность — только один из них. Задавая вопрос о том, каковы *причины* диахронического разнообразия онтологий, историческая эпистемология неизбежно оказывается вовлечена в онтологическую проблематику естествознания. Если само развитие естествознания опровергает кантовскую модель, в которой принцип действующей причины был положен в основание науки как априорный конституирующий принцип, отвечающий за всеобщие законы природы, то не означает ли это, что данный принцип есть философская (и научная) гипотеза, которая, как и законы природы, проверяется и корректируется результатами науки? Что в таком случае можно было бы сказать об исторической онтологии, ее предмете и методе? Если она принадлежит философской составляющей естествознания, то не является ли она результатом новых открытий в области физики? Не утверждает ли она по определению, что сами законы природы могут изменяться?

---

⁶ Этот тип объективности формируют, конечно, не только основоположения о причинности и субстанции, но тесно связанные с ними представления о пространстве, времени, движении.

В начале XX в. вопрос о возможном изменении законов природы задает Анри Пуанкаре. Он отвергает эту возможность. Он считает, что вопрос об изменении или неизменности самих законов природы как существующих «вне разума, который их создал и наблюдал... не только неразрешим, но и не имеет никакого смысла. К чему нам задаваться вопросом, могут ли законы изменяться со временем в мире вещей в себе, если в таком мире само понятие времени, может быть, не имеет смысла?» [9, с. 540]⁷. Конвенционализм относительно фундаментальных представлений о пространстве, времени и материи, развиваемый Пуанкаре, сохраняет кантовскую критическую установку на внутренний опыт и субъективное конституирование «внешнего» мира, хотя и выражает философские усилия, направленные на то, чтобы исправить кантовский трансцендентальный метод в соответствии с новыми научными открытиями (открытием неевклидовых геометрий, применяемых для описания физического мира). Трансцендентальный априоризм Канта Пуанкаре заменяет свободным выбором ученых между возможными системами геометрии и механики (способность к их построению, полагает Пуанкаре, интуитивно дана априори), выбором, который в конечном счете стремится к оптимальному (максимально экономному) описанию опыта. В похожем духе рассуждает Томас Кун, описывающий смену парадигм в науке как переключение гештальта, когда одни конститутивные принципы «вдруг» заменяются другими. Такой свободный (прагматический?) выбор ученых, который и составляет предмет попечения исторической эпистемологии, интересующейся именно *изменением* конститутивных принципов научного познания, тем не менее оставляет вопрос о ее отношении к онтологии открытым. Если в рамках парадигмы, или выбранной системы конститутивных принципов, наука по-прежнему имеет дело с устойчивыми и неизменными законами природы, то найти в естественно-научной онтологии аналог самому *изменению* оказывается невозможно.

Такие попытки, впрочем, предпринимаются, и они, по-видимому, отражают усложнение естествознания. Например, Гастон Башляр связывает проект исторической эпистемологии с динамической онтологией современного ему естествознания, которое в физике микромира и химии переходит от анализа «бытия» (субстанции) к анализу «становления», от исследования статичного вещества к исследованию процесса самого изменения, «диалога между веществом и энергией» [11, с. 66]⁸.

Что же касается сегодняшних представителей исторической эпистемологии, Яна Хакинга и Питера Гэлисона, то они употребляют термин *историческая онтология* для описания исследовательской практики, которая имеет дело с тем, как и при каких условиях осуществляется синтез бытия и познания — возникают новые объекты и концепции, т. е. как объекты и концепции «становятся существующими» (come into being [13, с. 2]; come into existence [7, с. 117]). Хакинг связывает как род

---

⁷ Марио Бунге считает иначе, связывая законы природы не только с количественными, но и с качественными уровнями ее организации. «Возникающие законы не обязательно должны быть совершенно и абсолютно новыми, т. е. новыми независимо от конкретных условий; они лишь должны быть новыми по отношению к законам, которым подчиняется рассматриваемый предмет, развивающийся до того момента, когда появляются новые формы поведения. Несколько таких возникновений новых систем качеств, по-видимому, сопровождаемых возникновением новых законов, могли произойти и могут произойти в будущем в первый раз в истории вселенной, как, по-видимому, произошли уровни жизни, мышление и социальная организация» [10, с. 244].

⁸ Цит. по: [12, с. 97].

и вид историческую онтологию и историческую *метаэпистемологию*. Последняя исследует то, как новые объекты (не обязательно, кстати, непосредственно научные) и практики взаимодействия с ними порождают новые способы и принципы нашего познания объектов [13, с. 9]. Такая позиция может быть названа конструктивистской (исторической) онтологией, которая пытается учесть двойственную, материальную и духовную, природу производства знания и выводит принцип *изменения* из этой двойственной природы. Но, опять-таки, возникает вопрос: может ли и должна ли эта конструктивистская (историческая) онтология претендовать на научный характер?

***

На мой взгляд, исторической эпистемологии следует прояснить свои отношения с онтологией, и если историческая эпистемология подразумевает историческую онтологию, то следует обосновать научный характер последней. Я думаю, что обоснование научного характера исторической онтологии могло бы стать ее позитивной программой. Если же сама историческая эпистемология — это все еще *проект*⁹, вопрос не только не снимается, но, возможно, становится даже более насущным. По сути дела, этот вопрос имеет прямое отношение к вопросу о реализме, который вновь и вновь возникает в философии, и особенно в философии науки, несмотря на его, казалось бы, окончательное решение, сформулированное Кантом.

Литература

1. Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука // Кант И. Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4, ч. 1. С. 67–310.
2. Stroud B. The Significance of Philosophical Scepticism. Oxford University Press, 1984. 294 p.
3. Friedman M. Kant, Kuhn, and the Rationality of Science // History of Philosophy of Science: New Trends and Perspectives / ed. by M. Heidelberger and F. Stadler. Dordrecht: Springer Science+Business Media B. V., 2002. P. 25–41.
4. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск: Сагуна, 1994. С. 102–126.
5. Касавин И. Т. Эпистемология и историческое сознание // Эпистемология & философия науки. 2005. Т. III, № 1. С. 5–14.
6. Quine W. V. Epistemology Naturalized // Quine W. V. Ontological Relativity and Other Essays. Columbia University Press, 1969. P. 69–90.
7. Galison P. Ten Problems in History and Philosophy of Science // Isis. 2008. Vol. 99. P. 111–124.
8. Коген Г. Теория опыта Канта. М.: Академический проект, 2012. 618 с.
9. Пуанкаре А. Последние мысли // Пуанкаре А. О науке. М.: Наука, 1990. С. 523–672.
10. Бунге М. Причинность: Место принципа причинности в современной науке. М.: Едиториал УРСС, 2010. 512 с.
11. Bachelard G. La philosophie du non: essai d'une philosophie du nouvel esprit scientifique. Paris: Les Presses universitaires de France, 1966. 147 p.
12. Визгин В. П. Эпистемология Гастона Башляра и история науки. М.: ИФ РАН, 1996. 263 с.
13. Hacking I. Historical Ontology. Cambridge: Harvard University Press, 2002. 288 p.
14. Гавриленко С. М. Историческая эпистемология: Зона неопределенности и пространство теоретического воображения // Эпистемология & философия науки. 2017. Т. 52, № 2. С. 20–28.

⁹ «Историческая эпистемология — это некоторое не преодолевшее порог дисциплинарности концептуальное пространство, лишенное строгих границ и четких очертаний, где размещаются вследствие отказа от фундаментальных философских очевидностей в отношении знания его новые проблематизации и где пытаются с ними каким-то образом работать, в том числе в режиме радикального теоретического воображения и экспериментирования» [14, с. 26]. О проблемном поле исторической эпистемологии см.: [15].

Контактная информация:

Столярова Ольга Евгеньевна — канд. филос. наук; olgastoliarova@mail.ru

Does historical epistemology imply historical ontology?

O. E. Stoliarova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12, str. 1, Goncharnaya ul., Moscow, 109240, Russian Federation

For citation: Stoliarova O. E. Does historical epistemology imply historical ontology? *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2018, vol. 34, issue 3, pp. 369–380. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2018.305>

The article problematizes the relationship between historical epistemology, which is now recognized as a new wave of epistemological studies, and ontology. Does historical epistemology imply any kind of ontology? Could historical meta-epistemology refer to historical ontology? What is the subject matter of historical ontology? Can this proposed historical ontology be suggested by natural science? If historical epistemology is still a project, then all these questions become even more vital. It is known that the Kantian transcendental justification of science was unhistorical. The transcendental method was based on the examples of a priori knowledge, derived from classical mechanics, which served as an expression of absolute and timeless objectivity. However, the scientific revolution of the end of the 19th — beginning of the 20th centuries initiated such epistemological problems that could not be satisfactorily resolved in terms of the Kantian transcendental philosophy. It turned out that the a priori principles underlying the transcendental method can be revised in the history of science. This discovery has resulted in historicization of epistemology which now deals with unstable and historically changeable knowledge. It is argued that the most important problem for historical epistemology is the problem of transition from one system of knowledge and their constitutive principles to another, a gap between them instead of their consistency. But is it possible to find an ontological analog of this transition? The thesis is defended that historical epistemologists if they want to hold a traditional connection to natural sciences, should clarify their attitude toward historical ontology by clarifying the scientific character of the latter.

Keywords: historical epistemology, historical ontology, philosophy of science, history of science, transcendental method, objectivity, realism.

References

1. Kant I. Prolegomeny ko vsiakoi budushchei metafizike, mogushchei poiavit'sia kak nauka [Prolegomena zu einer jeden künftigen Metaphysik, die als Wissenschaft wird auftreten können], Kant I. *Sobranie sochinenii* [Collected works], in 4 vols. Vol. 4, pt. 1. Moscow, Mysl', 1965, pp. 67–310. (In Russian)
2. Stroud B. *The Significance of Philosophical Scepticism*. Oxford, Oxford University Press, 1984. 294 p.
3. Friedma M. Kant, Kuhn, and the Rationality of Science. M. Heidelberger and F. Stadler, eds. *History of Philosophy of Science: New Trends and Perspectives*. Dordrecht, Springer Science+Business Media B. V., 2002, pp. 25–41.

4. Husserl E. Krizis evropeiskogo chelovechestva i filosofii [Die Krisis Der europäischen Menschheit und die Philosophie]. Husserl E. *Filosofia kak strogaia nauka* [*Philosophy as Rigorous Science*]. Novocherkassk, Saguna, 1994, pp. 102–126. (In Russian)
5. Kasavin I. T. Epistemologiya i istoricheskoe soznanie [Epistemology and Historical Consciousness]. *Epistemologiya & filosofiya nauki*, 2005, vol. 3, no. 1, pp. 5–14. (In Russian)
6. Quine W. V. Epistemology Naturalized. Quine W. V. *Ontological Relativity and Other Essays*. New York, Columbia University Press, 1969, pp. 69–90.
7. Galison P. Ten Problems in History and Philosophy of Science. *Isis*, 2008, vol. 99, pp. 111–124.
8. Cohen G. *Teoriya opyta Kanta* [*Kants Theorie der Erfahrung*]. Moscow, Akademicheskij proekt, 2012. 618 p. (In Russian)
9. Poincaré H. Poslednie mysli [Dernières pensées]. Poincaré H. *O nauke* [*About Science*]. Moscow, Nauka, 1990, pp. 523–672. (In Russian)
10. Bunge M. *Prichinnost': Mesto printsipa prichinnosti v sovremennoi nauke* [*Causality: The Place of the Causal Principle in Modern Science*]. Moscow, Editorial URSS, 2010. 512 p. (In Russian)
11. Bachelard G. *La philosophie du non: essai d'une philosophie du nouvel esprit scientifique*. Paris, Les Presses universitaires de France, 1966. 147 p.
12. Vizgin V. P. *Epistemologiya Gastona Bashliara i istoriya nauki* [*Gaston Bachelard's Epistemology and History of Science*]. Moscow, IF RAN, 1996. 263 p. (In Russian)
13. Hacking I. *Historical Ontology*. Cambridge, Harvard University Press, MA, 2002. 288 p.
14. Gavrilenko S. M. Istoricheskaya epistemologiya: Zona neopredelennosti i prostranstvo teoreticheskogo voobrazheniya [Historical Epistemology: Zone of Uncertainty and Space for Theoretical Imagination]. *Epistemologiya & filosofiya nauki*, 2017, vol. 52, no. 2, pp. 20–28. (In Russian)
15. Shipovalova L. V. Stoit li nauku myslit' istoricheski? [Should We Conceive Science Historically?]. *Epistemologiya & filosofiya nauki*, 2017, vol. 51, no. 1, pp. 18–28. (In Russian)

Author's information:

Olga E. Stoliarova — PhD, Senior Researcher; olgastoliarova@mail.ru